

ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ КАЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ КОНФЛИКТА ВОКРУГ КАРАБАХА

Арда Инал-Ипа

Цена мира и варианты урегулирования конфликта

Анализ ответов на 11–15-й вопросы анкеты

Предлагаемый обзор данных качественного исследования, проведенного по единой методологии и с использованием единого вопросника в Армении, Азербайджане и в Карабахе, сосредоточен на следующих исследовательских вопросах:

- Каково представление респондентов о мире и мирной жизни, какое место мир занимает в иерархии ценностей респондентов?
- Как, по мнению участников исследования, можно обеспечить мирную жизнь до окончательного урегулирования конфликта? Как должны жить люди в спорных и приграничных территориях в это время?
- Каким может быть оптимальное, реалистичное, ненасильственное разрешение конфликта, ведущее к стабильному миру?
- Какова роль рядового человека в улучшении ситуации в условиях конфликта?

Представление о мире

В данном исследовании высказывания о мире отразили больше общих черт, чем различий в представлениях людей разного пола, возраста, этнического происхождения. Тем не менее, можно с определенностью утверждать, что чем ближе человек живет к линии фронта, тем чаще в описании мира звучит отрицание войны и ее неизбежных черт: *«Скажу просто: это отсутствие наведенных на тебя прицелов. Все остальное второстепенно»*. Мир определялся также через отрицание негативных эмоций и психологических состояний – когда нет страха (страха за детей, страха, что убьют тебя, твоего брата или друга, разрушат твой дом), когда спокоен за свою семью. *«Мир – это, когда у 18-летнего парня не отнимают жизнь и его мечты не тонут в войне»*.

Респонденты, в том числе живущие в опасной близости от границы, часто называли совсем простые быденные вещи: возможность видеть свою семью, возможность планировать свою жизнь, зарабатывать, каждый день ходить на работу.

Чем дальше от зоны возможных столкновений живут респонденты, тем чаще описание мира включает более абстрактные понятия: мир – это предсказуемость, стабильность, свобода, отсутствие преград между странами, мирная жизнь – это возможность развиваться и в личном плане, и в плане бизнеса.

Некоторые определения опирались не столько на личный опыт, сколько на размышления о проблемах мира и войны: мирная жизнь означает уважение жизни, личности, достоинства.

Никаких существенных различий между пониманием и восприятием мира по разные стороны конфликта, на наш взгляд, не проявилось. Интересно, что с обеих сторон были те, кто задумался о том, что мир означает свободу от необходимости убивать, или быть

убитым, или лгать, мир – это когда не надо кого-то ненавидеть, это способность по-человечески понять не только свой, но и чужой народ.

Вопрос о мире оказался очень показательным. Несмотря на то, что за последние десятилетия к существующему положению вещей практически все уже привыкли, представления о желаемом мире точно указывают, насколько далека от нормы жизнь в зоне конфликта, не говоря уже о приграничных районах, где жизненное пространство неестественно ограничено, где люди страдают от постоянной угрозы возобновления военных действий и отсутствия простых человеческих радостей. Если говорить в целом, то по представлениям о мире не только людей, живущих вблизи линии противостояния, но и многих других, кого затронул конфликт, можно судить о высоком личностном смысле, который приобрели самые элементарные аспекты жизни обычного человека, что, несомненно, говорит о значительном снижении качества жизни этих людей.

Согласно данным исследования, мир во многих, если не в большинстве, случаев оказался для респондентов далеко не главной ценностью. Чаще всего мир выступал не в качестве цели, а в качестве возможного средства достижения нужного результата, причем средства не очень эффективного. Видимо, дело в том, что ни к посредникам на мирных переговорах, ни к склонности оппонентов выполнять договоренности, ни к международным гарантиям у сторон нет достаточного доверия. Довольно распространенным было следующее мнение: конечно, надо искать решение мирным путем, но если не получится, тогда придется воевать. За 30 лет для конфликтующих сторон мир так и не стал главной целью. Чаще всего ценность мира в сознании респондентов конкурирует с понятием справедливости. «Несправедливый мир нам не нужен» – это суждение неоднократно повторяется в данных исследования. Особенно часто встречалась такая мысль в азербайджанском контексте, где мир порой приравнивался к статус-кво, которое выгодно их оппонентам: если конфликт будет разрешен без войны, то несправедливым образом.

Видимость выбора: *«Должна быть или война (полномасштабная), или компромисс. На данный период добиться компромисса невозможно».*

Как обеспечить мирную жизнь до окончательного урегулирования конфликта? Как должны жить люди на спорных и приграничных территориях в это время?

Нужно отметить, что эти вопросы настраивали респондентов на более широкую перспективу по отношению к конфликтной ситуации, заставляли отойти от максималистского настроя на окончательное урегулирование, от подхода «все или ничего» и приблизиться к более дифференцированному видению ситуации и рассмотрению возможных переходных состояний и промежуточных решений. Происходило некоторое смещение позиции, когда во главу угла ставится человек, живущий в зоне конфликта, когда важным становится не только формула окончательного урегулирования или решения конфликта, но и качество жизни человека здесь и сейчас. Этот вопрос заставлял отвлечься от роли внешних факторов и приводил к мысли об ответственности собственного правительства и всего общества перед той категорией населения, которая оказалась заложником нерешенного конфликта. Поскольку сегодня боевые действия сконцентрировались в приграничных районах и жителей столиц и т.д. тревожат мало, в ответах на этот вопрос фактически отражается то, насколько тот или иной респондент понимает, что продолжение конфликта самой дорогой ценой оплачивают люди, живущие вблизи линии соприкосновения войск, их дети, а также молодые солдаты.

Вопрос о том, как обеспечить мирную жизнь до окончательного урегулирования конфликта, для респондентов был непростым. Отвечая на него, участники исследования, возможно, более ясно осознавали, что в отсутствие в обозримом будущем перспектив решения конфликта требуется большее участие и более ответственное отношение к судьбе приграничного населения. Представляется, что многие задумались над тем, что долгосрочная перспектива урегулирования обязывает правительство и общество целенаправленно заняться судьбой населения, оказавшегося фактически на передовой неутраченного противостояния. Этот вопрос переносил внимание респондентов с долгосрочных перспектив на злободневные проблемы сегодняшнего дня, оставшиеся без должного осмысления и реагирования.

Важным наблюдением является то, что в отношении к приграничному населению исследование не выявило значительных расхождений в ответах азербайджанских, армянских и карабахских участников, в них действительно было много схожего. При этом драматичный разброс отдельных мнений обнаруживался у каждой из трех сторон.

Если попытаться обобщить полученные ответы, то можно отметить следующее.

Ответственность государства

Практически общим было мнение об ответственности государства, о необходимости организации всесторонней помощи людям, живущим на приграничных территориях. Очень многие подчеркивали, что в ситуации продолжающегося конфликта обязанность правительства – обеспечить условия мирной жизни для людей, живущих в приграничной области, гарантировать им жизнь. Говоря об обязанности государства обеспечить безопасность людям, живущим в приграничных зонах, в качестве необходимых мер назывались строительство дорог, бомбоубежищ, в частности, в школах, проведение учений по линии гражданской обороны и др. Часто поднимался вопрос (особенно в Карабахе) о необходимости добиться соблюдения режима прекращения огня, предлагались способы для более эффективного обнаружения нарушителей перемирия с использованием видеокамер, лазеров и других технических средств. Много предложений относилось к необходимости лучше обустроить границу, чтобы сделать ее более надежной.

В отдельном ряду стоят предложения переселить подвергающихся риску людей в более безопасные места до окончательного урегулирования конфликта: *«Никто не вправе рисковать жизнью людей, они должны жить в более безопасных местах; на приграничных территориях должны находиться только военные»*. Чаще подобные предложения звучали из уст женщин, как азербайджанских, так и армянских, в Карабахе эта мысль также высказывалась, но реже: *«На приграничных и спорных территориях не должны жить женщины, дети, старики, они должны быть перемещены в более безопасные места; об этом должно позаботиться государство»*.

В ответах, связанных с проблемами приграничного населения, звучали как надежды, так и критика, обращенная к своему правительству. При этом само приграничное население представляется более лояльным к власти, в особенности в Азербайджане, где многие подчеркивали свою зависимость от воли президента и выражали надежду на его способность решить все проблемы. В столицах и в более отдаленных от линии соприкосновения городах чаще можно было услышать гневные ноты в адрес своего правительства (очень редко в Карабахе), причем если в Армении критика больше касалась коррупции, растраты бюджетных средств и неэффективного управления, то в Азербайджане некоторые респонденты порой доходили до серьезных и вполне

конкретных обвинений: *«До сих пор ты не можешь устроить жизнь беженцев, которые живут в ужасных условиях, хотя тратишь впустую миллиарды на пустые соревнования, Формулы-1»*. Более того, отдельные азербайджанские респонденты фактически говорили об инструментализации приграничных обострений, отмечая, что нестабильность на границе иногда поддерживается властью искусственно: *«Как только у нас тут повышение цен, сразу же идет эскалация конфликта на границе – отвлекается внимание туда. И сразу же думаешь: лучше буду сидеть на хлебе и воде, только чтобы не было войны»*.

Общественный деятель из Баку предложил свое видение происходящего: *«Вообще стратегия Азербайджана сейчас такая: если мы не можем вести полномасштабную войну, мы каждодневно, маленькими конфликтами будем тревожить их. Снайперы стреляют, вдруг бомба взорвалась, дрон какой-то полетел. Соответственно, с той стороны то же самое. За время этого «прекращения огня» погибло уже несколько тысяч человек, в том числе и мирных»*.

Поддержание боевого патриотического духа

С приграничных территорий уходить нельзя

Респонденты из всех сторон часто отмечали необходимость пребывания населения фактически в боевой зоне: да, правительство, общество, НПО – все должны помогать этому населению, но переселять людей оттуда нельзя. Интересную мысль высказал один из карабахских респондентов: *«Солдат мотивирует то, что люди живут в критических условиях, их поддерживает то, что за их спинами – не пустые земли»*. Согласно этому мнению, получается, что чем критичнее условия жизни приграничного населения, тем лучше служит солдат. Не менее простодушными и эгоцентричными были высказывания такого рода: *«Люди на спорных и приграничных территориях, к сожалению, должны привыкнуть, что в них стреляют»*. Некоторые высказывания свидетельствуют о крайне туманном представлении о реалиях военного и полувоенного времени: *«Люди не должны опасаться, они должны жить своей обычной жизнью, чувствовать себя безопасными, обычными и не думать о том, что идет война»*.

Несмотря на то, что некоторые респонденты, представители приграничных районов, настроены по-боевому (*«Если ты уже решила жить здесь, если в тебе говорит патриотизм, то ты будешь продолжать жить и развиваться»*), большинство все же осознают свое уязвимое положение. Тем не менее, чувствуется, что в общественных дискурсах голос самих людей, живущих в приграничных районах, слышен недостаточно громко и ясно. Возможно, поэтому многие граждане, находящиеся вдали от границ, легко рассуждают на темы обустройства приграничной жизни, слабо представляя сложнейший контекст, не чувствуя никакой ответственности за людей, чьими судьбами они мысленно распоряжаются. К счастью, есть и такие респонденты, кто задумывается над вопросом: *«На самом ли деле люди [...] не хотят уезжать из своих домов или же у них нет другого выбора?»* В том же исследовании можно найти и ответ на этот вопрос: *«Жители приграничных районов должны жить надеждой, что все будет хорошо, потому что другого выбора у них нет»*. Эту мысль подтверждают и слова жительницы опасной зоны: *«Моя вера в правду и справедливость объясняет мою мирную жизнь здесь с верой в то, что однажды справедливость восторжествует»*. Все же наиболее распространенным мнением является убежденность в том, что *«переселять их [жителей приграничных районов] из этих районов неправильно»*.

Многие хорошо «знают», чем они должны заниматься: *«Население должно обустраивать эти территории, чтобы не было мысли о миграции. [...] Чем больше людей на земле, тем сложнее ее оккупировать».* *«Люди, живущие в приграничных зонах, должны быть готовы психологически, должны быть сильными, они крестьяне и должны заниматься своим трудом».* *«Люди, живущие на спорных и приграничных территориях, должны быть подготовлены и физически, и психологический к войне. Надо, чтобы у них имелось оружие. И надо, чтобы они оставались отважными и сильными».*

У подавляющего большинства респондентов из отдаленных районов не возникало ощущения, что вопрос о жизни приграничного населения касается каждого гражданина страны, а не только этой категории. Лишь некоторые говорили о необходимости чаще ездить в приграничные области, чтобы показать, что все помнят о проживающем там населении.

Особое мнение

Встречались также неожиданные высказывания, требующее дальнейшего изучения в плане того, насколько это соответствует действительности. *«В пограничных зонах сельчане [по разные стороны] могут общаться очень дружно, даже если они воевали в первой карабахской войне, они все равно могут общаться, они – простые люди, и им не нужна вся эта политическая шумиха, которая нужна правительству».* *«Они должны жить тихо и спокойно, друг с другом общаясь, сами налаживать контакты через границу».* *«На тех же приграничных и спорных территориях люди используют те же самые родники и другие вещи. Они договорились между собой, и всегда есть выход».*

Интересно то, что многократно озвученная готовность этих людей с оружием в руках защищать интересы своей страны не исключает их готовности к общению с представителями противоположной стороны. Так, например, некоторые жители приграничных районов сказали, что после разрешения конфликта готовы жить вместе. Удивительно, но, как оказалось, ежедневные страдания от нерешенного конфликта не обязательно делают людей агрессивными. Так, представляется важным и многозначительным, что слова *«армяне – добрый, трудолюбивый народ, почему бы нам снова не жить вместе [...] на простых армянах нет вины»* были сказаны жительницей обстреливаемой азербайджанской деревни.

* * *

После знакомства с мнением самых разных участников исследования относительно того, какой должна быть жизнь людей, живущих поблизости от линии соприкосновения войск, возникает ощущение большой несправедливости, которая допускается по отношению к этой уязвимой категории населения. Причем очень схожая ситуация в этом отношении сложилась по обе стороны конфликта. Эти люди действительно стали заложниками конфликта, они оказались эффективным и дешевым средством укрепления границ, удержания военных пароксизмов в приграничной зоне, что дает возможность большинству жителей центральных районов чувствовать себя относительно спокойно (*«Мирная жизнь, она уже достигнута. [...] Все, что происходит, остается на границе»*). Все доводы о невозможности их отъезда из-за привязанности к земле и патриотизма разбиваются одним простым аргументом: никто из этих людей не хочет, чтобы их дети жили той же жизнью и оставались там же, где и они. Очень емко об этом сказала одна азербайджанская студентка: *«Неправда, что они не хотят уезжать, если бы у них были деньги, они давно обосновались бы в более безопасных местах».*

Каким может быть оптимальное, реалистичное, ненасильственное разрешение конфликта, ведущее к стабильному миру?

Понятно, что вопросы о вариантах урегулирования конфликта были предназначены не для политологического анализа переговорного процесса и факторов, влияющих на принятие политических решений. Прежде всего нас интересовало восприятие представителями общественности по разные стороны конфликта различных вариантов решения конфликта и их субъективное видение перспективы мирного завершения 30-летнего противостояния.

Одной из задач данной части обзора была дифференциация различных вариантов из всего спектра озвучиваемых, оцениваемых и предлагаемых респондентами решений конфликта. Какие варианты респонденты считают оптимальными? Какие – реалистичными? Верят ли в реалистичность и долгосрочность ненасильственного решения конфликта? Важно было уловить разницу между представлениями о желаемом результате и об оптимальном реалистичном решении конфликта. Особое внимание должно быть обращено на те предложения, которые учитывают интересы и другой стороны, т.е. уже включают элемент реалистичности, а значит, и долгосрочности, – решения, которые хотя бы теоретически могли бы привести к долгосрочному миру.

Попытаемся отразить наиболее распространенные идеи и взгляды на урегулирование конфликта, чтобы понять, каково существующее окно возможностей для миротворческих инициатив. Одна из важных задач данной главы – обобщая наиболее распространенные мнения, не упустить при этом ни одной свежей идеи о мире, которая могла бы послужить толчком для обдумывания неординарного подхода.

Основываясь на анализе содержания всего массива информации, мы сгруппировали предлагаемые респондентами варианты разрешения конфликта в несколько категорий.

Пессимистическое видение: мирное решение невозможно

У подавляющего большинства респондентов опрос выявил довольно пессимистические установки относительно реалистичности урегулирования конфликта и достижения долгосрочного мира. Если обобщить смысл наиболее часто встречающегося мнения о контексте конфликта, то его можно было бы сформулировать следующим образом: сложившаяся ситуация фатальна, любые попытки найти выход бесперспективны.

Несмотря на частые упоминания известной мудрости о конечности всего сущего («все в мире имеет свое начало и конец»), многие респонденты, говоря об армяно-азербайджанском противостоянии, фактически считают его конфликтом, у которого этого конца нет. Можно привести очень много мнений, суть которых в одном – конца конфликту не видно, урегулирование в сложившихся условиях невозможно: *«Никакого варианта разрешения конфликта не вижу, конфликт будет продолжаться всегда». «Не верю, что мое поколение увидит результат, решение и победу, о которых мы так долго мечтаем». «Достичь мира невозможно». «Для этого должно пройти много лет, должно поменяться поколение» (варианты: несколько поколений, 50 лет и т.п.)*

Хотелось бы отметить интересный нюанс. Некоторые респонденты все же отделяют свое видение от официального. Именно официальная позиция воспринимается ими как не оставляющая надежду на возможность решения: *«Даже если общество на что-то согласится, официальные власти это не устроит». «Как понимаем со слов наших руководителей, кроме войны, нет другого варианта, к сожалению, это реальность».*

Здесь интересно обратить внимание на то, как аргументируют, чем объясняют респонденты свой пессимизм:

- Неблагоприятный геополитический расклад
- Незаинтересованность сильных игроков в разрешении конфликта и, напротив, заинтересованность некоторых стран в замораживании конфликта (*«Если бы нам не мешали, мы сами решили бы конфликт»*)
- Заинтересованность некоторых внутренних сил в продолжении конфликта, сильные позиции «ястребов» на каждой из сторон
- Диаметрально противоположные требования и позиции конфликтующих сторон
- Военные травмы народов, переживших кровопролитную войну
- Отсутствие конструктивных переговоров
- Отсутствие реалистичного проекта соглашения о мире
- Вялость и безнадежность Минского процесса
- Отсутствие доверия сторон друг к другу
- Отсутствие или значительное ограничение возможностей контактировать друг с другом
- Глубокие корни конфликта
- Диаметрально противоположные картины исторического прошлого Карабаха
- Распространение тенденциозной информации с обеих сторон, деструктивная роль СМИ, использующих язык ненависти, демонизирующих противника, распространяющих мифы и негативные стереотипы
- Новые поколения, выросшие в атмосфере ненависти, не знающие о прошлом опыте совместного мирного проживания

Силовой вариант: решение конфликта возможно, но только военным путем

Результаты интервью со всей очевидностью показали, что в некотором отношении все три сообщества имеют немало общего. Это, в частности, касается распространенности представлений об эффективности (а иногда и целесообразности) силового решения конфликта. Обращает на себя внимание то, что сами респонденты часто мотивировали свой выбор тем, что именно через применение силы возможно установление мира, фактически придерживаясь известного принципа «цель оправдывает средства»: *«Одна сторона может разрушить другую, и будет мир»*. *«Один путь решения – война»*. *«Укрепить границы, и при необходимости – широкомасштабная война, тогда все будет решено»*. *«Лучший способ решить этот конфликт – вернуть территории войной»*. *«Армения должна иметь профессиональную армию, хорошо вооруженную, чтобы все боялись»*.

Некоторые мнения выглядели более гибкими или, казалось, содержали некий выбор, но фактически также означали силовой вариант: *«Должна быть или война (полномасштабная), или компромисс. На данный период добиться компромисса невозможно»*.

К силовым, но ненасильственным вариантам, наверное, можно причислить звучавшие с обеих сторон предложения о принуждении противника к миру, правда, при этом не раскрывалось, какими именно средствами принуждения можно добиться мира.

Одностороннее видение решения конфликта

Перед тем как сосредоточиться на зафиксированных в исследовании вариантах ненасильственного урегулирования, нам представляется целесообразным осмыслить односторонние представления каждой стороны о желаемом будущем. На основе этого материала можно будет судить о том, насколько реально вычислить взаимоприемлемую формулу мирного сосуществования и насколько сложна задача найти компромисс.

Примеры одностороннего видения желаемого итога урегулирования респондентами из Армении и Карабаха:

«Карабах не должен стать частью Азербайджана. Там живут армяне, говорят на армянском языке, у них армянское правительство – все армянское. Они должны быть независимы или частью Армении». «Честно говоря, конфликт уже решен, только это не признают. Была война, есть победители и побежденные». «Признание независимости Карабаха именно в этих территориях, в которых находится прямо сейчас, [...] – это оптимальный вариант». «Там могут проживать также азербайджанцы, они могут вернуться, но власть должна быть у армян». «Арцах должен присоединиться к Армении без каких-либо территориальных компромиссов». «Самый оптимальный вариант разрешения конфликта – это признание НКР как независимого государства».

Примеры одностороннего видения желаемого итога урегулирования респондентами из Азербайджана:

«Возвращение всех земель Азербайджану, без исключения всех земель». «Возврат территорий согласно границам Азербайджана в СССР». «Если не военный путь, то тогда путь денег, [...] экономические преференции, чтобы армяне Карабаха поняли, что в составе Азербайджана им быть гораздо выгоднее, чем в составе Армении». «Не нужно изобретать что-то новое, нужно просто вернуть все, что было: автономия Нагорного Карабаха в составе Азербайджана с гарантией всем армянам нормальной и спокойной жизни, что их никто не будет преследовать по религиозному или этническому признаку». «Оптимальный вариант – чтобы армянам, живущим в Карабахе, был предоставлен самый высокий статус, просто де-юре в составе Азербайджана».

Иногда респонденты, называя компромисс самым желаемым средством урегулирования конфликта, на самом деле предлагают вовсе не взаимоприемлемое решение: *«Идеально – компромисс. У армян проснется совесть, надеюсь. И вернут все земли».*

Как видно из приведенных выше цитат, многие представители сторон категорически отвергают приемлемость компромисса: *«Компромисса не будет. Либо соглашаются на наши мирные условия, либо пускай готовятся к столкновениям».* Однако такой непримиримой позиции придерживаются далеко не все респонденты.

Идеалистические представления

Отдельная категория предложений – идеалистические представления, далекие от политических реалий сегодняшнего дня, однако приведем их здесь для того, чтобы лучше понимать, в каком направлении могут думать жители региона, какого будущего они желают.

«В мире без границ конфликт разрешился бы». «Нужно создать коалиционное правительство, надо всем объединяться». «Общества должны сделать скачок в своем развитии и перерасти насилие, отказаться от коллективного мышления». «[Нужны] прорывные идеи, предлагающие создание новой политической реальности». «Нагорный Карабах становится открытой территорией для всех международных организаций и заинтересованных сторон, [...] свободным экономическим поясом. В Нагорном Карабахе имеют равные права как армяне, так и азербайджанцы. [...] Территория становится нейтральной». «Необходимо в первую очередь «разминировать» души по обе стороны конфликта, быть искренними и честными по отношению друг к другу». «Обе стороны должны отказаться от священности этих земель».

Конкретные предложения компромисса или ненасильственного решения конфликта

Важно, что многие жители региона все же настроены на мирное урегулирование конфликта, понимая, что без взаимных уступок не обойтись и достижение мира возможно только через поиск компромисса.

«Нам необходим компромисс, чтобы достичь мира». «Оптимальный вариант – это окончание войны. Я не знаю, как именно, но надо это остановить. Уже больше 25 лет продолжается война, может быть, надо пойти на какой-то компромисс с обеих сторон, конечно. Это реалистично, если они захотят». «Мы нуждаемся в компромиссе, чтобы достичь мира». «Взаимные разумные компромиссы. Разрешение конфликта реалистично в случае отказа от политических амбиций». «Лучшим решением было бы найти общий язык, как я понимаю, главная битва идет не по поводу всего Карабаха, а о каких-то квадратных метрах».

Рассмотрим конкретные идеи участников исследования о возможных шагах к миру. Ценность этих предложений в том, что респонденты на основе своего опыта и полученной из разных источников информации предполагают, на что могла бы пойти их сторона, что она могла бы ожидать в ответ от противоположной, какие позиции можно было бы смягчить или пересмотреть.

Ниже приводятся примеры этих размышлений и предложений.

Армянская сторона:

«Должен быть взаимный компромисс, [...] возвращение буферных зон было бы уступкой со стороны Армении. Компромиссом со стороны Азербайджана было бы признание Карабаха независимым государством либо частью Армении». «Уступки могли быть в том, чтобы Азербайджан перестал нас убивать, тогда мы отдали бы буферные зоны, и это было бы гарантией нашей жизни». «Надо найти какой-то общий, выгодный для обеих сторон вариант. Азербайджан должен вернуть кое-какие исторические территории Армении, и то же самое должна сделать Армения. Надо идти на компромисс. [...] А после этого уже – признание Карабахской Республики независимой и со стороны Армении, и со стороны Азербайджана». «Если Азербайджан смирится с тем, что мы не отдадим 7 районов, а жители Армении и Карабаха смирятся с тем, что мы отдадим 3 района». «Возможно, это решение должно каким-то образом справиться и с проблемой беженцев. [...] будет производиться обмен с двух сторон со справедливой компенсацией для обеих сторон».

Азербайджанская сторона:

«Необходимо не освобождение земель, а защита проживающих там людей». «Провести референдум по обе стороны о возможности совместного проживания». «Возвращение 70% земель и общая торговля». «Думаю, надо открыть общий рынок. С продуктами, мясом. Базар! Наши народы любят и умеют торговать. И сделать это в прифронтовых селах».

Нагорно-карабахская сторона:

«Без уступок территорий с обеих сторон конфликт не разрешится, например, Физули и Джебраил не имеют для нас стратегического значения». «Создание какой-то нейтральной зоны здесь».

Интересно, что люди, живущие вблизи линии соприкосновения войск, не отличались большей нетерпимостью и непримиримостью от жителей столиц. Возможно, это связано с усталостью от постоянных стрессов, а также с отсутствием видимых перспектив улучшения ситуации в сложившейся обстановке.

Каким может быть путь к компромиссу, к взаимоприемлемому решению? Как добиться мира?

Размышляя на тему о необходимости продвижения к миру, участники исследования задавались следующими вопросами: каким образом можно достичь компромисса? что для этого необходимо? какие процессы необходимо начать и какие факторы задействовать для создания почвы для мирного соседства и приближения к окончательному урегулированию?

Некоторые ответы были очевидными и встречались во всех трех обществах: *«Вся надежда на мирные переговоры. Никто не хочет еще раз пережить войну, только через переговоры».* *«Нужно, чтобы главы государств были открыты к диалогу и готовы долго его вести до достижения консенсуса».*

Также общими были и представления о необходимости отказаться от националистической пропаганды: *«...закреть [...] зомбирование межнациональной розни».*

Предложения о важности миротворческих процессов на уровне гражданского общества также звучали на каждой из сторон:

«Гражданские общества обеих сторон должны встречаться и общаться». *«Различные социальные проекты, интернет-проекты между членами конфликта, [...] это [...] сделает почву, на которой будет строиться мирное соседство».* *«Нужно общение, путешествия друг к другу».* *«Налаживать прямые контакты между странами».* *«Этого должны захотеть женщины во всех конфликтующих обществах. Да, от женщин многое зависит. Они же в основном занимаются воспитанием будущего поколения».* *«Главное – иметь связь с внешним миром, потому что наша изоляция мешает решению конфликта. Люди во всем обвиняют Азербайджан и становятся более агрессивными. Но выезжая и общаясь с внешним миром, мы можем вернуться с новыми решениями и идеями».* *«Возобновление связей в мире науки, искусства, какие-то [...] региональные проекты».*

Если говорить о различиях в ответах представителей сторон, то можно сказать, что, например, в Карабахе чаще поднимался вопрос о необходимости найти более эффективные способы обеспечения режима прекращения огня: *«В первую очередь надо с обеих сторон убрать снайперов».* *«Нужно предпринимать более жесткие меры по*

отношению к той стороне, которая нарушает перемирие». «Объявить перемирие, обменяться пленными».

В Азербайджане же чаще делали акцент на продуктивности экономического подхода к разрешению конфликта: *«Использовать экономику для укрепления эффективных отношений между странами». «Открыть общую торговлю, большой рынок и т.п.»*

Создание условий для более продуктивного диалога

Важно отразить мнение ряда респондентов о том, что на фоне нарушающегося режима прекращения огня никакие переговоры не приведут к результату. Идея данной позиции состоит в том, что поиск мирного решения невозможен в ситуации, когда на границе продолжают гибнуть люди. Поэтому задача всех приверженных мирному урегулированию – общими усилиями обеспечить спокойствие и безопасность в приграничных районах. Для этого необходимо направить все силы на обеспечение соблюдения режима прекращения огня: задействовать технические средства, наблюдателей и группы мониторинга, ввести санкции по отношению к нарушившей перемирие стороне. Иначе, по мнению респондентов, у «ястребов» на каждой стороне слишком много возможностей держать рану незаживающей, парой выстрелов подогревать ситуацию, отвлекать внимание от внутренних проблем на бесконечно длящийся конфликт и т.д. С этой целью предлагалось более рационально задействовать нейтральные внешние силы.

В рамках этого подхода озвучивались предложения о необходимости демилитаризации зоны конфликта: *«Должны быть демилитаризация и размещение миротворческих войск, которые не имеют никакого интереса к данному конфликту».*

В чем респонденты видят надежду, какой ресурс может быть использован в миротворчестве?

Надежда респондентов, настроенных на мирное решение, часто связывалась с изменением внутривнутриполитического климата, с существующими за рубежом позитивными примерами, с расширением кругозора молодежи, которая должна получать хорошее образование, быть свободной от ненависти и открытой к новым идеям. Так, в качестве ресурса мирного процесса, который следовало бы задействовать, нередко называли потенциал армянских и азербайджанских диаспор: *«Диаспоры двух сторон – менее агрессивные, более гибкие, современные». «Будущие поколения, воспитанные в ином, мирном духе, например, азербайджанская диаспора в Европе».*

В ответах немалого числа респондентов содержалась надежда на демократизацию и уход от авторитаризма в странах, вовлеченных в конфликт, тогда появится больше шансов для урегулирования и мирный процесс станет вполне реальным: *«Если бы в Азербайджане и Армении были нормальные режимы, [...] Евросоюз сказал бы: «Ребята, я вас приму, но мне не нужны проблемы, решите их между собой и заходите сюда». На таких условиях, я думаю, за пару лет быстро решили бы».*

Изучение позитивных примеров других стран, по мнению респондентов, также могло бы быть полезным для обеспечения мирного сосуществования и в Карабахе, и вокруг него: *«Азербайджанцы и армяне компактно живут в третьих странах, очень хорошо, и между собой все ОК. В Тебризе много армян, в России тоже все хорошо». «Хорошим примером может служить Иран».*

Часто приводилась в пример Европа, в которой сегодня многие конфликты решаются через постоянные переговоры.

Говоря о различиях в видении сторон, нужно отметить, что азербайджанские респонденты гораздо чаще выражали надежду на лидера, который мог бы найти оптимальное и реалистичное решение, они апеллировали к конкретным личностям – чаще всего к действующему президенту Азербайджана, вспоминали бывшего президента и таких великих личностей, как Ганди, Мартин Лютер Кинг и других. Нередко связывали надежды и с российским президентом.

Влияние внешних сил

Необходимо отдельно обозначить, как отражается в восприятии участников исследования роль третьих стран и международного сообщества в целом. Самым распространенным мнением была уверенность в незаинтересованности внешних игроков в завершении конфликта при том, что у них (у внешних игроков – России, Турции, ЕС) есть все средства для долгосрочного урегулирования: *«Зарубежные страны могли бы помочь решить конфликт, но они не хотят»*. Более того, встречалось и мнение о деструктивной роли, которую играют крупные страны, заинтересованные в сохранении нестабильности: *«Если бы нам не мешали, мы сами решили бы конфликт»*. Третья точка зрения, напротив, состояла в предположении, что без участия посредников добиться выполнения договоренностей будет крайне сложно: *«Если будут гарантии международного сообщества, тогда может быть что-то стабильное»*.

Возможный личный вклад

Если говорить о массиве данных в целом, то наиболее распространенными были ответы, отражающие чувство беспомощности, ощущение оторванности от политического процесса, растерянности от непонимания истинных мотивов внешних сил, имеющих интересы в регионе, от фрустрации в связи с безрезультатностью текущего переговорного процесса и т.п. Многие переводили разговор на общие темы о долге гражданина, выполнении своих обязанностей, что способствует развитию страны, а следовательно, с их точки зрения, косвенно должно помогать и разрешению конфликта.

Удивительно, но именно 15-й, вопрос позволил выявить у некоторых респондентов наличие ценностей мирного сосуществования, уважения к иной культуре, толерантности. Когда речь шла не о проводимой государственной политике, а о частном мнении и собственных действиях, оказалось, что респонденты для себя лично допускают гораздо больше свободы. Многие видят смысл в оказании влияния на детей, на семью, на окружение в духе направленности на мирное сосуществование и преодоления ненависти. Среди участников исследования оказалось гораздо больше людей, готовых участвовать в миротворческих инициативах, в диалоге с представителями противоположной стороны, чем это можно было предположить, судя по ответам на предыдущие вопросы. Нередкими были, например, такие ответы: *«Надо искоренить ненависть к соседу и к другим нациям, расам и т.п. Обязательно воспитать в подрастающем и в старшем поколении уважение к другой культуре и другим понятиям, чуждому мнению»*.

Условно ответы на данный вопрос можно разделить на несколько категорий:

- Некоторые респонденты, отвечая на вопрос о возможном личном вкладе в урегулирование конфликта, на самом деле говорили об ответственности гражданина, о своей возможной помощи и о своем участии в укреплении позиций своей стороны, т.е. фактически отвечали совсем на другой вопрос:

- Ощущение личного бессилия и полная зависимость от политики властей. В подавляющем большинстве ответов на 15-й вопрос звучала такая мысль: *«Это дело политиков, государства, президента, а не отдельных людей»*. *«К сожалению, от обычных людей ничего не зависит в этом плане»*. *«Все зависит от президента, от правительства, когда нам приказывают умереть, мы умираем, когда приказывают жить – мы живем»*.

Очень часто респонденты не верили в то, что могут каким-то образом повлиять на продолжающийся конфликт, иногда эта мысль звучала довольно жестко: *«От обычных людей ничего не зависит – они были и есть пушечное мясо»*.

- Многие респонденты видели свой вклад в том, чтобы не продолжать и не передавать детям идеологию ненависти: *«Ничего не могу, единственное – не нагнетать враждебную атмосферу, воспитывать детей без ненависти к армянам»*. *«Не поддаваться истерии, не ожесточаться. Оставаться людьми»*. *«Никогда не принижать достоинство противника»*. *«Я могу воспитать в моей семье и в моем сообществе уважение к соседнему народу»*.

Многие при этом говорили о готовности жить вместе, если конфликт разрешится.

- Отдельные респонденты видели смысл в участии в гражданских миротворческих инициативах, однако преувеличивали их возможное влияние на конфликтную ситуацию, разделяя упрощенный взгляд на решение проблемы: *«Создать площадки для общения с азербайджанцами, чтобы прийти к компромиссу, потому что без общения, без доверия ничего невозможно»*. *«Молодые люди из разных стран едут в Европу, в том числе армяне и азербайджанцы, общаются между собой, и это очень хорошо»*.
- В отдельную категорию можно выделить ответы, отражающие более активный, деятельный подход: *«Надо использовать культурное насилие. В тех же спорных и приграничных районах надо встретить людей друг с другом»*.

Не раз звучала идея использовать социальные сети для миротворчества: *«Я могла бы поделиться с молодежью моими знаниями и мирной идеологией, способствовать отказу от языка ненависти в соцсетях»*.

Звучали призывы активнее использовать ресурс, который сосредоточен в диаспоре: *«Влиять на общественное мнение, распространять влияние более образованной диаспоры»*.

Вообще идея воздействия на общественное мнение была близка многим респондентам: *«Нужно избавиться от самопропаганды, а также не вестись на пропаганду извне»*. *«Я буду пропагандировать мир – это своего рода борьба»*. *«Создала бы «группу», поговорила с их «женскими группами», что азербайджанский народ не хочет войны. Я бы тоже слушала их мнение»*.

Общие замечания

Анализ ответов на вопрос о личном вкладе в улучшение ситуации показывает, что во всех трех сообществах индивидуальное видение гораздо более толерантно и гибко, нежели представления о возможном урегулировании конфликта на политическом уровне. Возможно, это говорит о существовании ресурса, на который могли бы опираться

миротворцы, медиаторы из международных организаций или иные акторы, заинтересованные в десталации и продвижении к стабильности и миру.

Проведенный опрос дал возможность зафиксировать очевидную противоречивость оценок и представлений участников исследования. Люди запутались в интернационализме – осколке одной из основных ценностей советской идеологии, современном национализме и глобальном новейшем миротворчестве. В итоге многие дезориентированы, растеряны и испытывают дефицит непротиворечивой системы ценностей.

Если сравнивать ответы респондентов трех регионов, то настрой карабахцев представляется наиболее оптимистичным, а их мнение – наиболее консолидированным, с меньшей критической направленностью по отношению к своему обществу и власти. Возможно, это связано с необходимостью постоянной мобилизации и с большей ориентацией на собственные силы, а не на ожидание решения, которое может прийти извне. Что касается гендерных различий, то при довольно большом разбросе мнений женщины, в целом, все же чаще проявляли миротворческую смелость, апеллируя в контексте разговора о конфликте к общечеловеческим ценностям.

Некоторые предварительные выводы

Для многих участников, если не для большинства, характерны фатализм и апатия в восприятии конфликта, который представляется вечным и неизбежным. Большие жертвы с обеих сторон привели к тому, что стороны насмерть стоят на диаметрально противоположных позициях, и никто не хочет и не может уступить.

Тем не менее, высказывались и надежды на изменение ситуации, главные из которых:

- экзистенциальная надежда на то, что все когда-нибудь завершается и конфликт тоже должен завершиться
- надежда на изменение глобального контекста, при котором может появиться неожиданное решение конфликта
- надежда на «справедливые и могучие» внешние силы
- надежда на смену нескольких поколений
- надежда на то, что своя страна и свое правительство когда-нибудь смогут окончательно и бесповоротно одолеть противника

Лишь единицы по разные стороны конфликта могут взглянуть на ситуацию с высоты птичьего полета – большинство же жестко привязаны к политической позиции своей стороны, что существенно ограничивает видение целостной картины.

На этом фоне ярко выделяются свежие идеи и примеры независимого видения, свободного от окостеневших рамок привычных рассуждений о конфликте. К этим идеям можно отнести:

- различные экономические совместные проекты
- открытие приграничного общего базара
- создание совместного коалиционного правительства
- создание нейтральных зон

- Кавказ без границ
- организацию всевозможных встреч под эгидой международных организаций

и некоторые другие идеи, над которыми, несмотря на порой кажущуюся фантастичность, следовало бы подумать серьезно.

Роль СМИ

Нужно отметить, что одним из серьезных препятствий на пути к урегулированию, по мнению ряда респондентов, стали СМИ, которые хорошо освоили язык конфликта и ненависти. СМИ тиражируют мейнстримовское мнение, что осложняет высказывание независимых идей и не способствует открытым дискуссиям.

Опрос однозначно показал, что нельзя судить о ситуации в обществе и об общественном мнении по публикациям в СМИ на всех сторонах конфликта. Несмотря на многолетнее давление, неизбежное в ситуации глубокого политического конфликта, общественное мнение гораздо многоцветнее, а в некоторых случаях и более гибкое, что подтверждается довольно разнообразным спектром оценок и предложений, зафиксированных в данном исследовании.

Роль третьих стран

Для всех сторон одним из самых распространенных мнений было представление о низкой мотивации внешних игроков на решение конфликта. Более того, встречалось мнение о деструктивной роли, которую играют крупные страны, заинтересованные в сохранении нестабильности в регионе. С подобным недоверием к посреднической роли крупных стран, видимо, связана слабая и редко озвучиваемая надежда на усилия Минской группы урегулировать конфликт.

Несмотря на частое повторение милитаристских лозунгов, в исследовании проявились некоторые признаки маргинализации темы войны. Поскольку от отсутствия мира и от постоянного нарушения режима прекращения огня в большей степени страдают жители приграничных районов и военнослужащие, для столичных жителей стало возможным абстрагироваться от темы войны. Часто звучала мысль о том, что война стала уделом бедных.

К сожалению, несмотря на страдания людей в ситуации тлеющего конфликта, мир, спокойствие, вложение мечей в ножны не стало главной осознанной потребностью людей. Более всего люди жаждут победы и справедливости, что неоднократно утверждали респонденты. Это касается и женщин, и мужчин, и молодых, и пожилых людей. Тем не менее, нужно отметить, что в ответах женщин чаще можно было встретить понимание необходимости, а иногда – и готовность участвовать в кроссконфликтном диалоге. Что же касается молодых участников исследования, то часть из них старалась размышлять о конфликте с некоторой дистанции, что способствовало снижению субъективности. Эти моменты могут быть полезны при планировании миротворческих инициатив.

Необходимо серьезно продумать шаги, которые могли бы способствовать тому, чтобы установление долгосрочного мира стало главной целью всех трех сообществ, чтобы из желаемого, но все же побочного эффекта решения конфликта мир трансформировался в главный запрос, главную цель и ценность.

Вместо заключения

Основное впечатление от знакомства с массивом полученных результатов состоит в том, что, несмотря на консервацию конфликта в общественном сознании, во всех трех обществах есть серьезные ресурсы для работы по трансформации конфликта. Данное исследование может стать важным дополнением к уже имеющимся данным, которые необходимо сравнить и проанализировать для того, чтобы не упустить важные нюансы. В этом отношении, возможно, небезыntenесными окажутся следующие размышления, основанные на материалах исследования.

Фактически с обеих сторон охрана границ делегирована наиболее незащищенному населению и молодым ребятам в военной форме. Пока все общество, требующее прежде всего не мира, а справедливости, не поймет, насколько несправедлива их собственная позиция по отношению к людям, живущим под снарядами, сильный и первостепенный запрос на мир сформироваться не сможет. Более того, происходит инструментализация военных действий – как отмечалось выше, при возникновении серьезных внутривполитических или экономических проблем политикам трудно устоять от искусственного обострения на границах, что вновь сплывает нацию и стирает внутренние противоречия. Об этом не раз говорили респонденты. Если не дать обществу увидеть, как определенные силы в своих интересах используют эскалацию конфликта, народам никогда не вырваться из этого порочного круга.

Боль военных утрат уравнивает стороны, и здесь больше понимания чувств друг друга, чем в отношении других высокозначимых потерь политического характера. Здесь необходима хотя бы символическая компенсация для того, чтобы стороны были готовы к конструктивному диалогу. Сильные негативные чувства, связанные с потерей земель, должны быть обязательно уравновешены столь же сильными положительными чувствами. Как показало исследование, радость от обретения мира несравнима с остротой уязвленных чувств по поводу вынужденного в результате войны отступления. Поэтому при поиске компромисса речь должна идти о том, чтобы уступкам соответствовали равнозначные приобретения – если не территорий, то статуса лидера в решении конфликта, ведущей силы в установлении региональной стабильности, главного миротворца в регионе, наиболее ответственной и продвинутой стороны (по оценке вовлеченных международных организаций, посредников и т.д.). Конечно, подобная трансформация невозможна без участия не только ближайших союзников, но и мирового сообщества в широком смысле, если на самом деле есть серьезный настрой на поиск стабильности на всем Кавказе.

Результаты опроса выявили еще один важный аспект. Какой бы трудной ни была задача организации глубокого и беспристрастного разговора о корнях и истоках конфликта, его необходимо начать, прежде всего, конечно, в профессиональной среде. Оказалось, что даже образованные участники исследования могли сказать: *«Я не знаю в действительности, в чем состоит конфликт»*. Это означает, что не менее важным фактором, если не самым главным, способствующим консервации конфликта, стали уже его последствия, а не только первопричина противоречий. И с этим необходимо работать.

Представляется, что одним из важных результатов данного исследования являются полученные данные о том, какие результаты жители всех трех стран считают желаемыми, а какие – реалистичными. Представления о реалистичности косвенно учитывают мнение противоположной стороны. Именно «расстояние» между желаемым и оптимально реалистичным урегулированием, обозреваемое с трех различных точек зрения, с трех разных перспектив, задает то пространство, в котором нужно вести разнонаправленную работу с обществом и поиск возможного компромисса.

